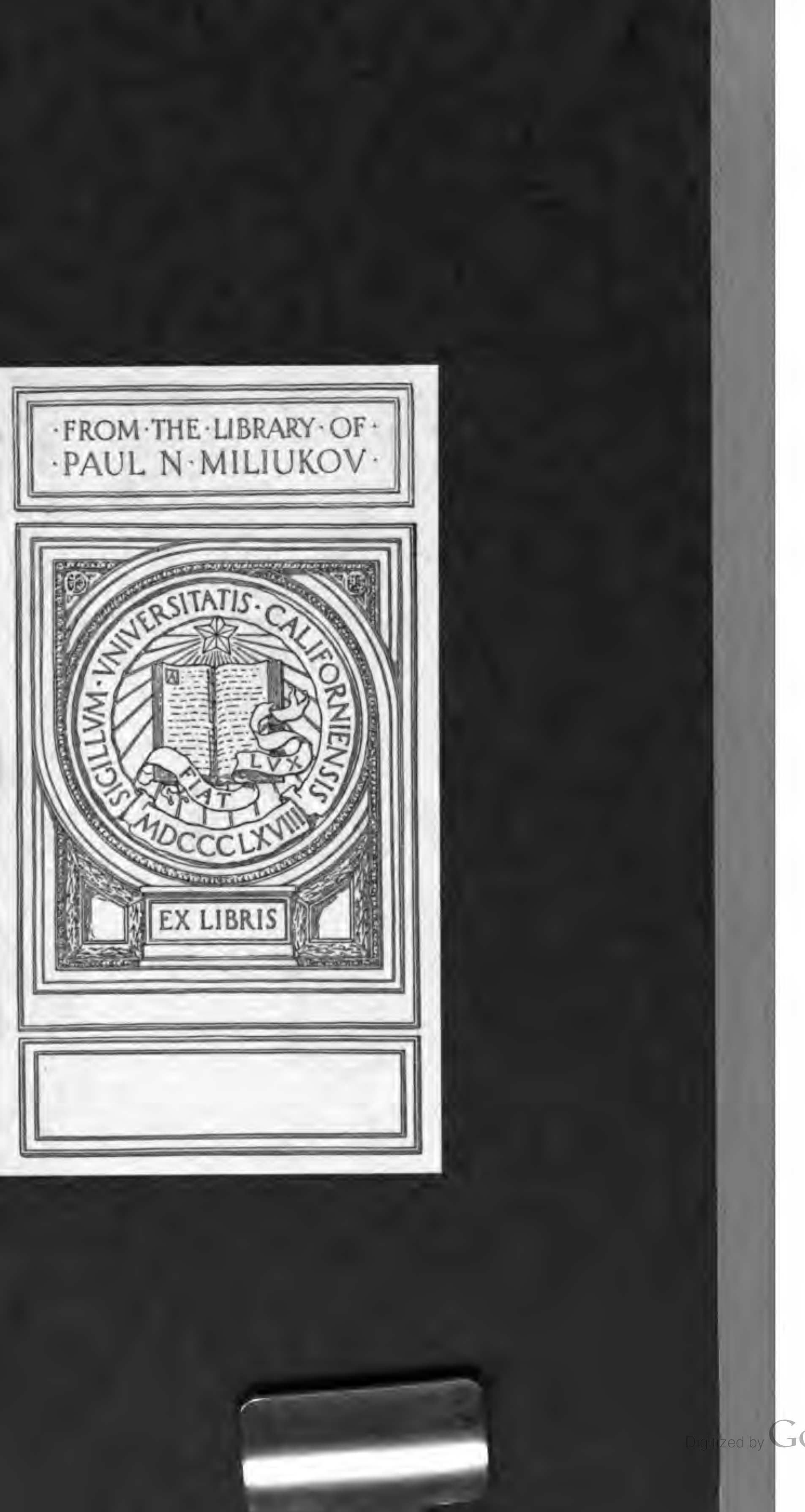

UC-NRLF
B 4 596 306

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·
SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

I. I. Popov

И. И. ПОПОВЪ.

Otkrytiia na Orkhonie

ОТКРЫТІЯ НА ОРХОНѢ

и

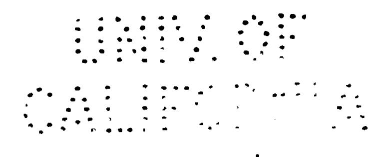
ДЕШИФРИРОВАНІЕ ДРЕВНИХЪ НАДПИСЕЙ.

(Докладъ, читанный 10-го ноября 1894 г. въ общемъ собраніи членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества).

Извлечено изъ XXV т. Извѣстій Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Гор. Иркутскъ.
Типо-литографія К. І. Витковской.
1894.

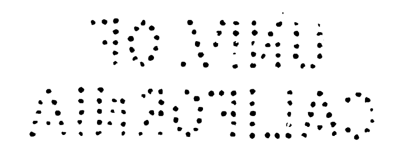
И. И. ПОПОВЪ.

Открытія на Орхонѣ и дешифрированіе древнихъ надписей.

(Докладъ, читанный 10-го ноября 1894 года въ общемъ собраніи членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О.).

I.

Многоязычная Азія, какъ называлъ ее Клапротъ, съиздавна привлекала къ себѣ вниманіе ученаго міра... Страна загадочныхъ цивилизацій, каковыми являются Китай и Индія; страна великихъ историческихъ монархій, какъ Вавилонъ, Ассирія и Персія; древнѣйшая часть свѣта, гдѣ возникли всѣ религіи міра: браминизмъ, буддизмъ, іудейство, христіанство и магометанство; страна, въ которой развертывалась человѣческая культура, соединяясь въ великое древо, объединившее человѣчество; мѣсто, гдѣ началась первая наука и первая философія; историческая арена, откуда явились грозные завоеватели и великіе реформаторы, потрясшіе міръ; страна—колыбель европейскихъ народовъ, выкидывавшая въ теченіе многихъ вѣковъ, какъ-бы изъ кратера, племена и народы,—могла-ли эта часть свѣта не приковывать напряженнаго вниманія европейскихъ ученыхъ? Могла-ли она не зародить вопросы, откуда вышли потоки варваровъ, обрушившіеся на Священно-Римскую и Византійскую имперіи, завоеватели Европы, еще въ XIII и XV вѣкахъ обагрявшіе кровью равнины Россіи, наводившіе подъ стѣнами Вѣны ужасъ на европейскія націи и заставившіе стонать и трепетать подъ своимъ игомъ балканскіе народы?

Откуда вышли эти когда-то грозные народы, гдѣ они жили? Въ Средней-ли Азіи, или въ верховьяхъ Орхона и Амура? Вѣрна-ли гипотеза Катарфажа, что родиной всѣхъ этихъ народовъ была сѣверная Азія? Вотъ вопросы, на которые до послѣдняго времени имѣлись указанія только въ трудахъ средневѣковыхъ ученыхъ, да въ китайскихъ лѣтописяхъ. Но въ семидесятые годы совершается рядъ археологическихъ открытій, давшихъ возможность до нѣкоторой степени освѣтить эти вопросы. Такъ въ 1877 году найденъ былъ Аму-дарьинскій кладъ, а въ 1885 г. въ Семирѣчьѣ были открыты два несторіанскихъ кладбища, давшія возможность сравнить скиѳскія древности со средне-азіатскими. Въ концѣ семидесятыхъ и въ восьмидесятые годы дѣлаются археологическія открытія въ минусинскомъ краѣ, указывающія на слѣды какого-то народа, жившаго въ нашей пограничной полосѣ съ Китаемъ; въ Минусинскѣ открываются памятники съ письменами и письмена на скалахъ, сходныя съ руническими знаками, но не поддающіяся чтенію. Съ одной стороны всѣ эти открытія до нѣкоторой степени освѣщаютъ исторію народовъ, нѣкогда жившихъ въ Средней Азіи, съ другой порождаютъ все новые и новые вопросы и возбуждаютъ все большій и большій интересъ къ странѣ. Открытіе на Орхонѣ въ 1889 году покойнымъ Н. М. Ядринцевымъ письменъ повело къ очень важнымъ и неожиданнымъ результатамъ, значеніе которыхъ въ настоящее время оцѣнить невозможно. Объ орхонскихъ открытіяхъ уже существуетъ цѣлая литература и судьбами ихъ заинтересованъ весь ученый міръ, ожидающій отъ этихъ открытій разъясненія многихъ темныхъ вопросовъ, касающихся исторіи жившихъ въ давнее время въ сѣверной Монголіи народовъ. Даже отсталый Китай отнесся съ замѣчательнымъ вниманіемъ къ нимъ. Академія наукъ препроводила въ Пекинъ атласъ орхонской экспедиціи, который былъ встрѣченъ тамъ съ живымъ интересомъ. Китайское правительство передало его на разсмотрѣніе особой коммиссіи изъ ученыхъ и поручило ей составить отзывы и сдѣлать свои примѣчанія къ вопросу о памятникахъ Сѣверной

Монголіи. Трактатъ, составленный этой коммиссіей уже полученъ нашей академіей наукъ и надъ переводомъ его трудится академикъ В. П. Васильевъ. Переводъ трактата будетъ изданъ на средства академіи наукъ. Въ настоящее время, когда главный виновникъ орхонскихъ открытій сошелъ въ могилу, когда его открытіями заинтересовался ученый міръ и надъ дешифрированіемъ надписей трудятся оріенталисты-синологи, будетъ своевременно припомнить обстоятельства, при какихъ были открыты древнія развалины Каракорума, столицы монгольскихъ хановъ и указать на то, что уже сдѣлано въ области дешифровки орхонскихъ надписей.

Русскіе изслѣдователи Монголіи—Н. М. Пржевальскій, Г. Н. Потанинъ, М. Н. Пѣвцовъ и др. много сдѣлали для изученія этой страны; но не мало мѣстностей въ ней еще требуетъ детальняго изслѣдованія. Къ такимъ мѣстностямъ, между прочимъ, принадлежала и долина Орхона, представляющая глубокій интересъ въ историко географическомъ отношеніи. Въ 1886 г Н. М Ядринцевъ предпринялъ на средства Вост. Сиб. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. путешествіе въ верховье р. Орхона—мѣстности, относительно которой являлось не мало противорѣчій, недоразумѣній и неточностей. Экспедиція между другими цѣлями имѣла въ виду провѣрить движеніе древней колонизаціи къ нашимъ границамъ по Орхону и сдѣлать наблюденія надъ кочевымъ бытомъ монголовъ, сравнивъ ихъ прошлое, по существующимъ описаніямъ, съ настоящимъ. Изслѣдуя долину въ этомъ отношеніи, покойный Николай Михайловичъ питалъ надежду найти затерянный современными историками и географами миѳическій Каракорумъ—центръ Монгольской имперіи, первую столицу Чингизидовъ. Къ такому заключенію привело его изученіе трудовъ средневѣковыхъ путешественниковъ и данныя новыхъ оріенталистовъ.

Николай Михайловичъ, послѣ своей поѣздки въ Минусинскій край и ознакомленія съ тамошними древностями, серьезно занялся изученіемъ вопроса о положеніи Каракорума. Онъ собралъ обширную литературу по этому вопросу, перевелъ изслѣдованія Абель Ре-

мюза, изучилъ труды Марко-Поло, Плано-Карпини, Рубруквиса, Кремона, Гастона Гаригона, посѣтившихъ Каракорумъ въ половинѣ XIII в. и оставившихъ подробное описаніе его [1]). Незабыты

[1]) Въ 1245 г. папа Иннокентій IV, желая ознакомиться съ усиливающейся татарской имперіей и съ невѣдомымъ до толѣ народомъ и странами, занимаемыми имъ, рѣшилъ отправить на востокъ, къ Байкалу, гдѣ, какъ думали тогда, находится Каракорумъ, двѣ миссіи изъ доминиканскаго и францисканскаго монашескихъ орденовъ. Доминиканцы отправились моремъ и черезъ Мессопотамію и Сирію достигли харезмейцевъ, гдѣ были встрѣчены татарскимъ полководцемъ Бачу. Отсюда они принуждены были вернуться обратно и только одному изъ нихъ Адріану Люнжамелю удалось добраться до Каракорума. Францисканцы были счастливѣе. Они отправились черезъ Европу въ Кипчакскую орду къ Бату-хану, который польщенный посольствомъ всесильного папы, далъ имъ проводниковъ до Каракорума. Экспедиція черезъ киргизскія степи, р. Уралъ, мимо озера Балкаша, по р. Эмиль достигла резиденціи великаго хана Хакана, сына Окотая. Въ числѣ членовъ этой экспедиціи былъ Плано-Карпини, который и оставилъ описанія нравовъ и обычаевъ татаръ. Въ 1254 г. въ центральную Азію совершилъ путешествіе король Арменіи Гастонъ; онъ также былъ въ Каракорумѣ и прожилъ въ немъ шесть недѣль; братъ его Гастонъ Гаригонъ оставилъ описаніе своего путешествія къ монголамъ. Въ томъ-же 1254 г. французскій король Людовикъ Святой отправилъ миссію подъ руководствомъ Рубруквиса и Кремона въ Азію. Рубруквисъ былъ въ Крыму и по берегу Азовскаго моря, посѣтивъ резиденцію Сортака, достигъ столицы-лагеря Бату-хана. Отсюда черезъ страну Паскатеръ (башкиръ) на Уралѣ, киргизскія степи, прошелъ въ долину Иля и черезъ верховья Иртыша по Сѣв. Монголіи, гдѣ была устроена главная монгольская дорога, достигъ ставки Мангу-хана. Въ ставкѣ хана были найдены плѣнные европейцы—женщина изъ Мотца и французъ. Вмѣстѣ съ ордою экспедиція Рубруквиса прибыла въ Каракорумъ, гдѣ было 12 языческихъ храмовъ, двѣ мечети и христіанская церковь. Экспедиція была встрѣчена христіанами общины несторіанъ. Рубруквисъ оставилъ подробное описаніе своего путешествія, народовъ, имъ встрѣченныхъ, а также описалъ пребываніе у Мангу-хана и въ Каракорумѣ. Марко Поло, прожившій у татаръ многіе годы, также свидѣтельствуетъ о существованіи въ верховьяхъ Орхона христіанской общины и утверждаетъ, что съ исторіей Чингизъ-хана связанъ разсказъ объ Унгъ-ханѣ—пресвитерѣ Іоаннѣ, управлявшемъ восточными тюрками. Населеніе въ Каракорумѣ состояло изъ татаръ, сарацинъ и китайцевъ

были имъ и труды персидскихъ ученыхъ, посѣщавшихъ этотъ городъ въ томъ-же столѣтіи. Труды эти переведены на французскій языкъ, подъ общимъ заглавіемъ «Tarik Djihankaschai». Сравненіе и изученіе картъ, особенно старинныхъ картъ іезуитовъ, имѣющихся въ національной библіотекѣ въ Парижѣ, а также и изученіе китайскихъ картъ привели Ядринцева къ заключенію, что Хара-Балгасунъ и есть развалины древней тукюэзской и уйгурской столицы, на развалинахъ которой преемникъ Чингизъ-хана Окотай, какъ предполагали, и основалъ свой Каракорумъ.

О мѣстоположеніи Каракорума существуетъ цѣлая литература, опредѣляющая его въ пяти различныхъ пунктахъ. Такъ Абулгази указываетъ его мѣсто въ окрестностяхъ истоковъ рѣкъ Енисея и Селенги; Фишеръ помѣщаетъ его на югъ отъ Орхона, недалеко отъ рр. Толы и Керулена; Панеръ, Гобель и Данвиль ставятъ его подъ 40° 21′ с ш. и 103° 40′ 30″ в д, причемъ послѣдній полагаетъ, что онъ лежалъ въ окрестностяхъ оз. Караханъ Уленъ-Норъ. Абель Ремюза, от. Іоакинфъ и Клапротъ помѣщаютъ Каракорумъ на Орхонѣ, причемъ первый, на основаніи китайскихъ первоисточниковъ, опредѣляетъ положеніе этого города между Орхономъ и Тамиромъ, къ с отъ Хангая и къ югу отъ оз. Угей-Норъ. Изысканія Абель-Ремюза подтверждаются маршрутами и дневниками китайцевъ Чань-Чуня и Чань-Дахе. Сообразно этимъ указаніямъ г. Падеринъ нашелъ развалины Хара-Балгасуна и опредѣлилъ ихъ мѣсто въ 6—8 вер. отъ Орхона, что, на самомъ дѣлѣ, не совсѣмъ вѣрно.

II.

Казалось-бы открытіе г. Падерина, получившее европейскую извѣстность, уже не оставляло никакого сомнѣнія относительно мѣстоположенія Каракорума, тѣмъ болѣе, что знатоки литературы о Каракорумѣ—Шмидтъ и полковникъ Юль признали это открытіе важнымъ и согласились, что развалины Хара-Балгасуна и есть развалины затерявшагося Каракорума. Но вскорѣ послѣ открытія г. Падерина профессоръ А. М. Позднѣевъ, изучая монгольскія лѣтописи,

нашелъ въ нихъ указаніе, что монгольскій монастырь Эрдени-Цзо былъ основанъ Аботай-ханомъ на развалинахъ столицы Окотая. Это новое указаніе на мѣстоположеніе древняго Каракорума вызвало сомнѣнія въ ученомъ мірѣ относительно открытія г. Падерина и возбудило не мало толковъ и споровъ; вопросъ-же о мѣстоположеніи Каракорума снова сталъ спорнымъ вопросомъ и открытіе г. Падеринымъ Хара-Балгасуна не только не помогло его уясненію, а еще болѣе затемнило его, такъ что многіе, даже, сомнѣвались въ достовѣрности самого открытія Хара-Балгасуна

Изъ всего вышеизложеннаго понятно какой глубокій интересъ должна была возбудить въ ученомъ мірѣ экспедиція Н. М. Ядринцева, поставившаго своей цѣлью собрать новыя точныя свѣдѣнія о положеніи развалинъ въ долинѣ Орхона и быть можетъ найти дотолѣ не поддающуюся открытію столицу Чингизидовъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1889 года, экспедиція въ составѣ пяти человѣкъ (С. А. Пирожковъ, П. П. Смысловскій, крещеный монголъ Ѳ Оскинъ, вожакъ монголъ и самъ Н. М. Ядринцевъ) выступила изъ Кяхты, намѣтивши маршрутъ по лѣвому берегу Орхона въ долину Далалхнъ-Тола, гдѣ должны были находиться развалины Хара-Балгасуна — отъ Кяхты на разстояніи 450 верстъ Первыя развалины, встрѣченныя экспедиціей, были на р. Толѣ — это были развалины дворца Ирхе-Мергень-хана, сына Аботай-хана. Какъ полагаютъ, этотъ дворецъ былъ построенъ въ XVI в. Отсюда экспедиція почти ежедневно наталкивалась все на новыя и новыя развалины; такъ ею были открыты остатки монастыря на Хорухѣ, а въ 5 вер. къ югу отъ Угей-Нора экспедиція изслѣдовала холмъ Ташинъ-Чилъ, который оказался остаткомъ когда-то большого зданія съ гранитными пьедесталами. Но самыя интересныя развалины были въ 50 вер. къ югу отъ Угей-Нора и у монастыря Эрдени-Цзо. На первомъ были найдены развалины Хара-Балгасуна – остатки города, обнесеннаго глинобитной стѣной и дворца. Близь дворца былъ найденъ разбитый гранитный памятникъ. Другой подобный-же памятникъ находился въ

½ верстѣ отъ перваго. Обломки ясно доказывали, что это были громадные монументы или обелиски—высотою въ 350 сант., ширина въ 131 и толщиною въ 52 сант. На обломкахъ ясно были видны барельефы, изображающіе какъ-бы сплетшихся драконовъ, чешуя которыхъ была испещрена—на первомъ памятникѣ тѣми загадочными надписями, которыми покрыты скалы и камни въ минусинскомъ краю, а на второмъ—кромѣ надписей на этомъ непонятномъ языкѣ, была надпись и параллельная ей на китайскомъ языкѣ Двигаясь далѣе экспедиція открыла древніе остатки построекъ, множество могильниковъ и керексуръ, слѣды ирригаціи, гранитные выдолбленные желоба, цистерны и пр., а около монастыря Эрдени-Цзо развалины другого громаднаго города съ множествомъ древностей, остатками стѣнъ и башенъ. Среди развалинъ этихъ двухъ городовъ найдено множество каменныхъ бабъ и памятниковъ изъ гранита и, даже, мрамора. По красотѣ и искусству работы, эти остатки старины говорятъ, что скульптура у народа, когда-то обитавшаго въ долинѣ Орхона, стояла на высокой ступени развитія и, пожалуй, далеко оставляла за собой современную китайскую. Каменныя бабы были найдены самыхъ разнообразныхъ формъ: сидячія, стоячія, въ видѣ женщинъ, богатырей и т. п. Въ развалинахъ у монастыря Эрдени-Цзо экспедиція нашла три громадныхъ памятника, изображающихъ черепаху (длина 4 метр.), сдѣланную изъ гранита, льва—изъ бѣлаго мрамора, ящерицу и мн. др. Вообще долина Орхона на разстояніи 80 верстъ отъ самаго Угей-Нора изобилуетъ древностями, свидѣтельствующими, что здѣсь когда-то кипѣла жизнь и было густое населеніе.

Экспедиція Н. М. Ядринцева увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Онъ первый изъ ученыхъ открылъ въ верховьяхъ р. Орхона развалины двухъ нѣкогда большихъ городовъ и вывезъ оттуда рисунки памятниковъ, письмена и два большихъ обломка съ надписями на томъ языкѣ, который впервые былъ найденъ въ минусинскомъ краѣ и заинтересовалъ оріенталистовъ. Средства экспедиціи Ядринцева были

крайне незначительны и онъ не могъ сдѣлать подробнаго изслѣдованія долины Орхона. Но не смотря на это его открытія произвели сильное впечатлѣніе среди ученыхъ, какъ въ Россіи, такъ и за-границей; начали думать о снаряженіи новыхъ экспедицій для точнаго и обстоятельнаго изслѣдованія развалинъ, найденныхъ Ядринцевымъ.

Въ 1890 г финоугорское общество снаряжаетъ въ Монголію экспедицію профессора Гейкеля, который въ развалинахъ у Эрдени-Цзо находитъ третій громадный памятникъ съ трехъязычной надписью (монгольская, китайская и руноподобная). Этотъ памятникъ по красотѣ и искусству работы былъ болѣе величественный, чѣмъ два памятника, открытые Ядринцевымъ, а по величинѣ (5 метр.) онъ значительно превосходилъ ихъ. Основаніемъ памятника служило рельефное подножіе, изображающее льва; на спинѣ льва стояла 4-хъ гранная колонна и на каждой сторонѣ ея имѣлась скрижаль съ надписями. Каждая скрижаль изображала большой прямоугольникъ, къ верхней сторонѣ котораго былъ какъ-бы приставленъ другой маленькій и заостренный къ верху—это была доска для заголовка. Кругомъ этого прямоугольника, надъ скрижалью красовались драконы, поддерживающіе огромный шаръ или голову; шаръ и вѣнчалъ памятникъ, какъ капитель вѣнчаетъ колонну. Памятникъ былъ сдѣланъ изъ сѣраго гранита и украшенъ барельефами. Съ него г. Гейкель снялъ до 300 руноподобныхъ знаковъ и много китайскихъ и монгольскихъ надписей. Экспедиція г Гейкеля была обставлена значительно лучше и богаче, чѣмъ предыдущая экспедиція покойнаго Ядринцева. Но еще болѣе богато и лучше была обставлена экспедиція академика В. В. Радлова. Въ 1891 г. академія наукъ, заинтересованная открытіями на Орхонѣ, организовала собственную экспедицію, въ составъ которой вошли: оріенталистъ В В. Радловъ, Н. М. Ядринцевъ, археологъ Д. А. Клеменцъ, топографъ И. И. Щеголевъ, фотографъ и художникъ С. М. Дудинъ, натуралистъ Н. П. Левинъ, баронъ Торнау и А. В. Радловъ. Экспедиція производила работы въ долинѣ Орхона съ конца іюня до половины августа и

результаты этихъ работъ оказались очень цѣнными, какъ въ археологическомъ, такъ и топографическомъ отношеніяхъ. Особенно цѣнными были эстампажи надписей, снятые по способу, изобрѣтенному В. В. Радловымъ, давшіе точные оттиски надписей.

Труды всѣхъ этихъ трехъ экспедицій превзошли ожиданія, возлагаемыя на нихъ: развалины были подробно описаны, измѣрены, съ нихъ были сняты фотографіи, вывезены рисунки и фотографическіе снимки памятниковъ, осколки послѣднихъ, китайскія, монгольскія надписи и нѣсколько тысячъ руноподобныхъ знаковъ. Не оставалось уже болѣе сомнѣнія, что миѳическій Каракорумъ найденъ и долина Орхона, когда-то густо населенная, была центромъ монгольской цивилизаціи.

III

Хара-Балгасунъ, какъ это подтверждается китайскими лѣтописями, есть древній Уйгурскій Каракорумъ, который въ 1234 году Океотай ханъ обнесъ стѣнами и построилъ въ немъ дворецъ «Общаго Мира». Черезъ два года, въ 9-й годъ своего царствованія, Океотай перенесъ свою резиденцію въ другой дворецъ, построенный отъ перваго въ 70 ли (35 в.), гдѣ находился городъ Фулинъ. Въ 1237 г. былъ основанъ новый городъ въ 30 ли отъ Уйгурскаго Каракорума — Холина покитайски; сюда были перенесены всѣ административныя учрежденія. Впослѣдствіи резиденція монгольскихъ хановъ снова была перенесена въ Уйгурскій Каракорумъ, возстановленный Темиромъ-ханомъ, изгнаннымъ изъ Китая. Изслѣдованіе Орхонскихъ экспедицій, которыя нашли въ долинѣ Орхона поражающее обиліе древностей, убѣждаютъ, что Каракорумъ долженъ находиться именно въ этихъ мѣстахъ Орхона. Историческія и географическія данныя указываютъ, что Каракорумъ или Холинъ, во времена монгольскихъ хановъ находился въ 100 ли къ ю.-з. отъ Угей Нора, между Таміромъ и Орхономъ; какъ разъ въ этой мѣстности и найдены Ядринцевымъ главныя развалины.

Бросая бѣглый взглядъ на исторію трехъ большихъ памятни-

ковъ, найденныхъ въ долинѣ Орхона мы находимъ новое подтвержденіе, что развалины и обломки отъ памятниковъ среди нихъ, открытыя Ядринцевымъ, принадлежатъ древнему Каракоруму. Авторъ «Tarik Djihankuschai» говоритъ объ одномъ памятникѣ, поставленномъ на восточной сторонѣ Орхона еще вначалѣ VIII в по Р. Х. Въ это время въ Китаѣ царствовалъ императоръ Кай-юй-анъ, извѣстный также подъ именемъ Джунъ-Дзуна. На 20 году своего царствованія онъ приказалъ поставить памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ уйгурскій народъ тюркскаго племени, вѣроятно, находившійся въ вассальной зависимости отъ Китая. Памятникъ былъ поставленъ въ честь Кюэ-Делэ брата, царствовавшаго тогда у народа Ту-Кюэ Билгэ-хана. По показаніямъ персидскихъ ученыхъ и китайскихъ лѣтописей, нѣсколько позже постановки перваго памятника, государь Билгэ-ханъ, упоминаемый китайскими лѣтописями подъ именемъ Пи-ша-хана, поставилъ посреди своей столицы собственный памятникъ, на которомъ и велѣлъ выбить исторію своихъ подвиговъ.

Вначалѣ X в. Апаки, основатель Киданской имперіи, стоялъ лагеремъ у р. Орхона. Здѣсь онъ нашелъ памятники, поставленные въ царствованіе Билгэ-хана и приказалъ стереть надпись съ одного изъ нихъ и, будто-бы, замѣнилъ ее описаніемъ собственной жизни. Подобные факты мы часто встрѣчаемъ въ исторіи востока, напр., египетскій фараонъ Рамзесъ II Міамунъ или Сезострисъ Великій приказывалъ стирать на пирамидахъ надписи своихъ предшественниковъ и замѣнялъ ихъ описаніемъ собственныхъ подвиговъ. Апаки поставилъ еще и свой собственный памятникъ. По словамъ персидскихъ ученыхъ, на памятникахъ Кюэ-Делэ и Билгэ-хана надписи были сдѣланы на китайскомъ и тюркскомъ языкахъ, а Апаки велѣлъ выбить надписи на 3-хъ языкахъ: китайскомъ, тюркскомъ и киданскомъ; знаки для своего киданскаго языка онъ взялъ изъ Китая. Если эти извѣстія касаются памятниковъ, найденныхъ въ Кошо-Цайдамѣ въ долинѣ р Орхона, то такъ называемыя руническія

надписи должны будутъ относиться къ древне-тюркскому нарѣчію, что на самомъ дѣлѣ, какъ это мы увидимъ ниже, и оказалось.

Въ XIII в. сынъ и преемникъ Чингизъ-хана Окотай, желая построить столицу, сталъ искать мѣсто для нея. Онъ случайно напалъ на развалины столицы Билгэ-хана и на памятникъ, стоящій посреди ихъ. Красота памятника поразила его, а сдѣланныя на немъ надписи заинтересовали его. Онъ выписалъ ученыхъ изъ Китая, которымъ и поручилъ перевести эти надписи. Ученые перевели ему длинный разсказъ о чудесномъ рожденіи и великихъ подвигахъ Билгэ-хана или Кюэ-Делэ его брата. Описаніе этого факта мы находимъ у автора «Tarik Djihankuschai». Онъ сообщаетъ, что на развалинахъ столицы Билгэ-хана Окотай и основалъ Каракорумъ, свою столицу, и обнесъ его стѣнами.

Выше я упомянулъ, что киданскій монархъ Апаки стеръ надпись съ памятника Билгэ-хана; но если-бы Апаки уничтожилъ-бы эту надпись, то тогда Окотай не нашелъ-бы описаніе жизни Билгэ-хана. Переводъ-же надписи съ одного памятника во времена Окотая—фактъ несомнѣнный: о немъ свидѣтельствуютъ и европейскіе путешественники, бывшіе въ Каракорумѣ и персидскіе ученые. Можетъ быть Апаки стеръ надпись на самомъ древнемъ памятникѣ Кюэ-Делэ, но и это, какъ мы убѣдимся ниже, не возможно. Нужно предположить, что Билгэ-ханъ поставилъ два памятника: одинъ въ своей столицѣ, который и былъ найденъ Окотаемъ; другой въ окрестностяхъ ея,—съ послѣдняго-то Апаки, вѣроятно, и стеръ надпись. Вывезенныя орхонскими экспедиціями надписи должны рѣшить сомнѣнія.

Всѣ эти историческія данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія, что открытыя въ долинѣ Орхона развалины принадлежатъ тѣмъ древнимъ временамъ, о которыхъ мы находимъ свѣдѣнія у европейскихъ и персидскихъ ученыхъ и въ китайскихъ лѣтописяхъ. Благодаря орхонскимъ открытіямъ Средняя Азія пріобрѣла свою исторію, которая, какъ мы убѣдились изъ вышеприведенныхъ историческихъ

справокъ, доходитъ до глубокой древности. Найденные среди развалинъ обломки отъ памятниковъ помогутъ освѣщенію и уясненію многихъ вопросовъ, касающихся этой исторіи; эти осколки мрамора и гранита, разбитыя плиты суть не простые обломки камня, а нѣчто большее, что можетъ пролить свѣтъ на существовавшіе города и историческія событія: экспедиціи сняли на Орхонѣ не мало китайскихъ и монгольскихъ надписей, но особенный интересъ для науки представляютъ, такъ называемыя руноподобныя письмена, которыхъ вывезено нѣсколько тысячъ знаковъ.

IV.

Руноподобные знаки, открытые въ Каракорумѣ и Минусинскомъ краѣ, принадлежатъ тюркскимъ народамъ и много отличаются отъ настоящихъ рунъ, найденныхъ въ Скандинавіи и Германіи. Потому-то финляндскіе ученые Аспелинъ, Гейкель и др. мѣняютъ названіе руническихъ знаковъ, открытыхъ въ Монголіи, Минусинскомъ краѣ и южной Сибири; въ настоящее время они ихъ называютъ по первому мѣстонахожденію «енисейскими надписями». Подобныя-же письмена найдены и въ пещерахъ Тарбогатая, и на серебряныхъ сосудахъ въ Вятской губерніи, и на минусинской Пайдзе. Отсюда понятно какое важное значеніе должны онѣ имѣть для исторіи древнихъ азіатскихъ народностей и для разъясненія указанія разселенія послѣднихъ. Но чтобы воспользоваться драгоцѣнными свѣдѣніями, написанными и высѣченными на камнѣ, нужно научиться разбирать эти таинственныя знаки, нужно найти ключъ къ непонятному письму. Открытіе Каракорума дало сильный толчекъ въ этомъ направленіи и, какъ мы это увидимъ ниже, трудная задача дешифрированія письма наконецъ разрѣшена, благодаря только орхонскимъ открытіямъ.

Прежде чѣмъ познакомить читателя съ пріемами дешифровки орхонскихъ надписей, бросимъ бѣглый взглядъ на исторію открытія древнихъ надписей въ Сибири и на дѣлаемыя попытки прочитать ихъ.

Еще въ 1692 г. амстердамскій бургомистръ Николай Витсенъ, въ своемъ сочиненіи «Nuord-en Oost-Tartarye», приводитъ рисунокъ камня-писанца, находящагося еще и теперь на р. Ирбити въ Пермской губерніи.

О существованіи загадочныхъ надписей, которыя были начерчены на горахъ и памятникахъ въ Сибири, было извѣстно еще въ прошломъ столѣтіи. Одинъ шведскій офицеръ Страленбергъ, бывшій въ плѣну у русскихъ, привезъ первыя извѣстія о надписяхъ, высѣченныхъ на каменныхъ бабахъ и написанныхъ красною несгораемою краскою на скалахъ и горахъ Сибири. Страленбергъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій отъ 1730 г., даже, приводитъ образчики видѣнныхъ имъ надписей. Академикъ Мессершмидтъ уже говоритъ о руническихъ надписяхъ, найденныхъ имъ на р. Біѣ на памятникѣ, изображающемъ бородатаго мужчину. О подобныхъ-же надписяхъ, найденныхъ на курганѣ между Тесью и Ербой—притоками Енисея, въ 1729 г упоминаетъ и академикъ Байеръ. Время отъ времени извѣстія о надписяхъ на камняхъ и памятникахъ встрѣчаются и въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. О сибирскихъ надписяхъ говоритъ и Палласъ, а въ 1818 г. Спасскій напечаталъ статью въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» подъ заглавіемъ—«Древности Сибири», въ которой говоря о памятникахъ Сибири и надписяхъ на нихъ, онъ высказываетъ надежду, что надписи «освѣтятъ историческій мракъ древности». Статья Спасскаго, переведенная на латинскій языкъ, обратила вниманіе и европейскихъ ученыхъ, которые старались разгадать загадочныя письмена, но всѣ попытки сдѣлать это не удавались. Въ 1822 г. Абель-Ремюза, много потрудившійся надъ дешифрированіемъ древнихъ надписей, предсказалъ, что дешифровка письменъ, бывшихъ въ употребленіи у древнихъ народовъ «сѣверной Азіи» можетъ пролить свѣтъ на историческіе и философскіе вопросы и, что дальнѣйшія, хорошо направленныя изысканія, вѣроятно, откроютъ обелискъ, подобный Розетскому камню, съ двуязычною или трехъязычною надписью. что очень вѣроятно, такъ какъ у азіатскихъ народовъ суще-

ствовало обыкновеніе ставить подобные памятники. Открытіе такого памятника послужитъ къ лучшему разрѣшенію вопроса, чѣмъ догадки и мудрствованія, посредствомъ которыхъ ученые стараются разобрать это таинственное письмо; далѣе онъ прибавляетъ, что открытіе «пей»—памятника съ двуязычной надписью могутъ исполнить только русскіе, такъ какъ въ ихъ владѣніяхъ или пограничной полосѣ Монголіи скорѣе всего могутъ встрѣтиться подобные памятники. О сибирскихъ письменахъ и камняхъ-писанцахъ писали и другіе оріенталисты Юлій Клапротъ, Харьковскій профессоръ Роммель, но потомъ этотъ вопросъ заглохъ и о немъ почти забыли. Интересъ къ таинственному письму не могли возбудить, даже, минусинскія и енисейскія открытія, которыя привлекли вниманіе почти однихъ финляндскихъ ученыхъ и только благодаря орхонскимъ открытіямъ, снова удалось поднять заглохнувшій вопросъ о древнемъ письмѣ въ Азіи, возбудить къ нему интересъ и заставить ученый міръ снова приняться за разгадку таинственныхъ руноподобныхъ знаковъ.

Предсказаніе Абель Ремюза исполнилось: на Орхонѣ были открыты памятники съ двухъ и трехъязычной надписью. Отсюда само собой понятно, какое громадное значеніе имѣютъ для оріенталистовъ руноподобныя надписи, найденныя въ Каракорумѣ. Снятыя вмѣстѣ съ ними китайскія и монгольскія надписи должны помочь ученымъ разобраться въ рунахъ: всѣ три рода надписей встрѣчаются на одномъ памятникѣ и, вѣроятно, повѣствуютъ объ одномъ и томъ-же событіи; монгольская или китайская надписи и должны были послужить ключемъ для разъясненія руническаго письма. Уже самое открытіе надписей, относящихся къ первымъ вѣкамъ нашей эры, дало важное указаніе, что руноподобныя надписи въ Монголіи не имѣютъ ничего общаго съ рунами, найденными въ Скандинавіи и Германіи и не имѣютъ никакого отношенія ни къ финскимъ, ни къ славянскимъ племенамъ, почему и подбираемыя къ нимъ ключи, которыми руководствовались, при дешифрированіи скандинавскихъ рунъ, совсѣмъ не помогали дѣлу. Трудность дешифровки заключа-

лась еще и въ томъ, что большая часть камней съ надписями въ монгольскомъ Каракорумѣ были покрыты буддійскими молитвами и символами, для чего ламы безпощадно стирали рунообразныя надписи. Не мало орхонскихъ памятниковъ уничтожено и разбито тѣми-же ламами, которые осколки камня употребляли для фундамента своихъ монастырей. Потому-то, даже, уже снятыя надписи носятъ отрывочный характеръ и собраны съ обломковъ камней, причемъ многіе изъ знаковъ вывѣтрились отъ времени, а многіе уничтожила безпощадная рука ламъ. На это обстоятельство указываетъ и Радловъ въ предисловіи къ своему атласу орхонскихъ древностей, о немъ же говоритъ и Гейкель въ своемъ роскошномъ изданіи объ орхонскихъ открытіяхъ, на немъ-же не разъ останавливался и Ник. Мих. въ своихъ сообщеніяхъ и докладахъ. Наиболѣе хорошо и цѣльно сохранились надписи на трехъ большихъ памятникахъ, особенно на третьемъ, найденномъ г. Гейкелемъ, въ Эредени-Цзо.

V.

В. В. Радловъ, А. К. Гейкель и Ядринцевъ при внимательномъ разсмотрѣніи орхонскихъ и енисейскихъ надписей убѣдились, что эти таинственные знаки, не поддающіеся чтенію, должны принадлежать тюркамъ. Но какъ найти ключъ къ нимъ по обрывкамъ письма, хотя-бы и съ параллельной, уже извѣстной, китайской надписью? За разрѣшеніе этой задачи принялись академикъ Радловъ и финнологъ датчанинъ Вильгельмъ Томсенъ. Никто не ожидалъ скораго объясненія таинственной азбуки и тѣмъ большую сенсацію произвело извѣстіе, что ключъ къ письму найденъ, азбука объяснена и, мало того, сдѣланъ переводъ самой большой надписи. Честь этого открытія принадлежитъ Томсену, который 15-го декабря 1893 г. представилъ въ академію наукъ свой отчетъ о дешифровкѣ письма подъ заглавіемъ: «Déchiffrement des inscreptions de l'Orkhon et de l'jénissei. Notice préliminaire, par Wilh. Thomsen. Copengaque 1894; а черезъ мѣсяцъ послѣ отчета Томсена В. В. Радловъ прочелъ въ академіи свой переводъ надписи; «Die alttürkischen sus-

chrifren der Mongolii. 1. «Das Denkmal zu Ehren des Prinsen Kül Tegin. Von W. Radloff. St. Petersbourg 1894».

В. В. Радловъ и В Томсенъ, желая дешифровать рунообразныя надписи съ Орхона, прежде всего обратили вниманіе на памятникъ, одна сторона котораго была занята китайской надписью, а остальныя три тюркскою. Китайская надпись была переведена консуломъ П. С Поповымъ и приведена г. Гейкелемъ въ его изданіи. Переводъ этотъ слѣдующій:

Памятникъ покойному Цюстэлэ.

«Небо покрываетъ всѣхъ безъ изъятія и находится во взаимоединеніи съ человѣкомъ, вслѣдствіе чего вселенная составляетъ одно цѣлое, но благодаря различію въ физическихъ условіяхъ явилась потребность въ (отдѣльныхъ) владѣтеляхъ, которые являются главами различныхъ инородцевъ. Со времени возвышенія Китая въ сѣверныхъ странахъ вы приходили въ его столицу изъ желанія обезпечить себѣ славу и счастіе. Такимъ образомъ милости и дружба между нами идутъ изъ глубокой древности: когда нашъ (Танскій) Гао-цзу положилъ основаніе своему царствованію, а Тай-цзусъ возвысилъ его царственныя доблести, тогда просвѣщеніе распространилось повсюду и военные подвиги были совершены при помощи единодушія. При послѣдовательныхъ измѣненіяхъ, произведенныхъ небомъ (Ваши Владыки), неоднократно удостоиваемые славными титулами, всегда умѣли изъ поколѣнія въ поколѣніе вмѣсто... и приходили съ данью къ китайскому двору. Вслѣдствіе этого я заключилъ съ вами отцовско-сыновній союзъ; благодаря этому не стало пограничныхъ разбоевъ и луки, и стрѣлы были вложены въ колчаны. Вы не безпокоили насъ, а мы не обманывали васъ, этому мы обязаны не (нарушеніямъ?) спокойствія на границѣ Вы Цюстэлэ, второй сынъ Гутулу Кэханя и братъ настоящаго Бидзя Кэханя, почтительностію къ родителямъ и уваженіемъ къ братьямъ прославились въ отдаленныхъ странахъ и своимъ величіемъ смиряли всѣхъ. Развѣ не вслѣдствіе накопленія обильныхъ добродѣтелей по отноше-

нію къ высшимъ, прадѣдъ Вашъ Идимитоку мирно скончалъ свои дни, и не благодаря-ли глубокому человѣколюбію вашего дѣда Гутулу Сецзиня, по отношенію къ низшимъ, его сынъ (продолжалъ его дѣло?); въ противномъ случаѣ, какъ могъ родиться у него такой мудрый сынъ, который, отличаясь послушаніемъ (къ) родителямъ и братскою любовью, содѣйствовалъ къ устроенію порядка. Страна ваша на С. находится на границѣ владѣнія Сюань-лэй, а на З. сосѣдитъ съ Чуюе. По (изволенію милостиваго неба?) пользуясь довѣріемъ и расположеніемъ мудрыхъ Хановъ, Ты сблизился съ нашею Танскою династіей, за что я, цѣня твои искреннія услуги, почтилъ тебя великими милостями и довѣріемъ, и думалъ, что ты будешь благоденствовать, но скоротечная тѣнь твоя вдругъ изчезла. Я вѣчно буду скорбѣть; больно моему сердцу. При томъ-же ты братъ Кэхани, а Кэхань мой (названный) сынъ, а такъ какъ долгъ сына заключается въ поддержаніи почтенія (къ отцу), то (при этомъ) братья развѣ могутъ остаться не причастными? Вы оба мои дѣти и поэтому я еще болѣе огорченъ (твоею смертію) и вслѣдствіе этого мною сдѣланъ роскошный памятникъ и отправленъ въ далекія страны, для увѣковѣченія твоей славы».

«Степное государство, родина племени Динъ-линъ, роскошно зацвѣло военнымъ могуществомъ при твоихъ предкахъ князьяхъ, а ты съумѣлъ управлять имъ и прославиться въ чужихъ странахъ. Отличаясь покорностію, ты думалъ породниться (сблизиться) съ моимъ домомъ. Но кто-бы могъ подумать, что и такой человѣкъ, какъ ты, недолговѣченъ! Пусть высокій памятникъ стоитъ въ годахъ для увѣковѣченія твоихъ добродѣтелей. Писано при династіи Танъ 20-й годъ правленія Кай-юань 12-й луны 7-го числа (732 года нашей эры)».

У От. Іоакинфа «Исторія народовъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. СПБ. 1851 г.», мы находимъ по какому поводу сооруженъ этотъ памятникъ: Въ 731 г. (19 г. правленія Кай-юань

изъ Танской династіи) Кюе-Дэлэ (онъ-же Цюстэлэ) умеръ». (Китайскимъ Императоромъ были) «отправлены военачальникъ Чжанъ-Кюй и сановникъ Люйсанъ съ манифестомъ за государственной печатью утѣшить и принесть жертву. Императоръ приказалъ изсѣчь надпись на каменномъ памятникѣ, построить храмъ и поставить статую его, на всѣхъ четырехъ стѣнахъ написать виды сраженій. Указано отправить шесть превосходныхъ художниковъ, росписать все отличною работою, чего въ Дулгаскомъ государствѣ еще не бывало». Цюстэлэ или Кюэ-Дэлэ принадлежалъ къ Дулгаскому (Тукюэскому) племени и былъ братомъ царствовавшему тогда хану «Биля-ханъ-Могилянъ», почему въ китайскихъ лѣтописяхъ и было добавлено: «Могилянъ съ сокрушеніемъ смотрѣлъ на этотъ памятникъ».

Когда была переведена китайская надпись, хотя въ переводѣ и есть нѣкоторыя неточности, указанныя лейденскимъ профессоромъ Штегелемъ, гг. Радловъ и Томсенъ рѣшили воспользоваться этимъ переводомъ, чтобы найти ключъ для рунообразной надписи. Теперь уже не было сомнѣнія, что руноподобная надпись должна была относиться къ прославленію Кюэ-Дэлэ (Цюстэлэ). Чтобы найти ключъ къ этой надписи, нужно было отыскать на тюркскомъ языкѣ имя прославляемаго князя. Изслѣдователи и обратили вниманіе прежде всего на это имя. Затрудненіе встрѣтилось, какъ оказалось впослѣдствіи, что имя князя было не Кюэ, а Кюль. При этомъ г. Радловъ титулъ Дэлэ переводилъ словомъ ханъ, а Томсенъ словомъ «тегинъ». Оказалось, что тюркское тегинъ соотвѣтствуетъ китайскому Дэлэ и дешифровка Томсену удалась, скорѣе, нежели Радлову, которому слово ханъ мѣшало разгадать ключъ. Не смотря на это затрудненіе, Радловъ намѣтилъ нѣкоторыя буквы, почему ознакомившись съ отчетомъ Томсена, онъ разобралъ надпись на памятникѣ и черезъ мѣсяцъ сдѣлалъ ея переводъ. Томсенъ и Радловъ открыли 38 знаковъ вполнѣ пригодныхъ для тюркскаго языка. Уйгурская азбука была уже менѣе пригодна для тюркской фонетики.

Еще менѣе была пригодна арабская азбука, которая смѣнила уйгурскую. Радловъ предполагаетъ, что руническое письмо вырабатывалось въ теченіе долгаго времени, а Гейкель находитъ, что оно было извѣстно въ Средней Азіи еще въ первомъ вѣкѣ нашей эры.

Переходимъ теперь къ переводу тюркской надписи, которой заняты три стороны памятника Кюэ-Дэлэ, или, какъ теперь переведено, Кюль-тегина.

Изъ перевода китайской надписи, сдѣланнаго г. Поповымъ, мы уже видѣли, что этотъ памятникъ поставленъ по приказанію китайскаго императора Кай-юаня. Рунообразную надпись сочинилъ племянникъ Кюль-тегина Іоллингъ-тегинъ; и въ ней онъ разсказываетъ о прежнихъ событіяхъ, о мѣстахъ, занимаемыхъ въ то время тюркскимъ народомъ, и объ отношеніи его къ сосѣднимъ народамъ; повѣствуетъ о царствованіи Бильга-хана (Могилянъ-ханъ) и о подвигахъ его брата Кюль-тегина. Разсказъ ведется отъ имени хана.

Переводъ этой надписи представляетъ глубокій интересъ и мы его почти цѣликомъ приводимъ изъ любопытной статьи проф. Веселовскаго, помѣщенной въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ. 1894 г.

«Фронтонная надпись: «Когда вверху образовалось синее небо, а внизу черная земля, появились люди. Между людьми возвысился Буминъ (?) ханъ изъ народа Чюмпамъ, знаменитый ханъ; онъ держалъ племена и законы тюрковъ и всѣмъ руководилъ». Затѣмъ, вслѣдствіе неурядицъ, вызванныхъ возстаніями, народъ раздѣлился. Среди народа тюркъ появился ханъ Бильга-ханъ. Его распоряженія отличались мудростью, чиновники соблюдали справедливости, потому онъ могъ установить законы. Когда онъ умеръ (собственно улетѣлъ), пришли оплакать его многочисленныя степныя народы, извѣстныя тибетцы, парпуримъ, киргизы, три куриханъ, тридцать татаръ, китаи, татаби. Послѣ Бильга-ханъ вступили управленіе его младшіе братья, не походили на старшаго, а сыновья родились не въ отца,

то власть досталась людямъ не умнымъ, ихъ распоряженія были глупы и робки. Братья жили въ ссорѣ, чиновники причиняли вредъ, и тюркскій народъ раздѣлился и низложилъ хановъ. Сыновья князей сдѣлались рабами знаменитаго народа (то-есть, китайцевъ), а ихъ невинныя дочери—рабынями. Тюркскіе князья бросили свои національныя имена и, какъ китайскіе чиновники, приняли имена китайскія. Они покорились китайскому хану и отдавали ему свои способности и свои силы въ теченіе 50-ти лѣтъ. Но Богъ тюрковъ не желалъ ихъ гибели, онъ сказалъ: да не пропадетъ тюркскій народъ! возвысилъ въ князья моего отца Ильтереза, а мою мать Эльбильге въ хатуны. Онъ поправилъ дѣла, устроилъ народъ народомъ, племя племенемъ. Небо даровало силы, войско моего отца было подобно волкамъ, а войско враговъ—баранамъ. Когда умеръ мой отецъ ханъ, власть перешла къ моему дядѣ, по обычаю страны. Онъ устроилъ тюркскій народъ, бѣдныхъ сдѣлалъ богатыми, немногихъ—многочисленными. Когда мой дядя пришелъ въ силу, я былъ шад'омъ надъ народомъ Тардушъ. Вмѣстѣ съ дядей мы расширили наши владѣнія впередъ (на востокъ) до равнины Яшилъ Эгюзъ, назадъ (на западъ) до Желѣзныхъ воротъ, до Кöгмäнъ-Ша, страны киргизовъ. Вообще мы овладѣли 35-ю землями, сдѣлали 23 похода. Устроили народъ. Послѣ смерти дяди началась суматоха; но вступившій въ управленіе Бильга-ханъ снова возвысилъ свой народъ, далъ ему лучшій порядокъ жизни, и всего этого ханъ достигъ при помощи меньшого брата Кюль-тегина; самъ-же ханъ ради своего народа ночи не спалъ, днемъ не отдыхалъ. «Небо было къ намъ милостиво. Такъ какъ я имѣлъ счастье и благопріятную судьбу, то я оживилъ погибавшій народъ, нагихъ одѣлъ, бѣдныхъ сдѣлалъ богатыми, ханское имя возвеличилъ».

Далѣе перечисляются походы хана вмѣстѣ съ Кюль-тегиномъ, причемъ, по степному обыкновенію, упоминается и мастъ лошади, на которой Кюль-тегинъ участвовалъ въ дѣлѣ. Описываются походы

противъ народа огузъ (налѣво), противъ китай-татаби (впередъ), противъ китайцевъ (направо), въ Алтайскія горы, противъ улугъ эркинъ, противъ киргизовъ на рѣку Иртышъ. Во второй надписи описывается, какъ Кюль-тегинъ ходилъ противъ харлуховъ, сражался съ народомъ исгиль, съ девятью огузами. Въ одной несчастной битвѣ съ огузами Кюль-тегинъ палъ, всѣ съ нимъ бывшіе или попали въ плѣнъ, или были убиты. Кюль-тегину въ то время было 47 лѣтъ.

Надпись оканчивается скорбью Бильга-хана. Онъ такъ оплакивалъ брата, что въ глазахъ становилось темно, и разсудокъ помрачался. «Я плачу,—говоритъ ханъ,—хотя вѣчно только небо, люди же должны умереть, они живутъ лишь нѣкоторый срокъ. Я плачу. Слезы льются изъ глазъ, мое тѣло и мое сердце ощущаютъ боль. Я все плачу, горячо плачу». Въ заключеніе перечисляются тѣ, кто пришли оплакать умершаго. Посланники китайскаго императора *(табгачъ-каганъ)* явились съ богатыми приношеніями.

Въ третьей надписи Бильга-ханъ, какъ истый кочевникъ, не упустилъ случая похвастать своими заслугами. Здѣсь, называя себя подобнымъ Небу и рожденнымъ Небомъ, Бильга-ханъ призываетъ своихъ воиновъ, совѣтниковъ, свой народъ, шадапитъ-бековъ одной стороны и шадапитъ-бековъ другой, войско и народъ Девять Огузовъ—подивиться его власти и его могуществу. Эта власть распространилась впередъ, т.-е. на восходъ солнца, направо, т.-е. на полдень; назадъ, т.-е. на заходъ солнца; налѣво, т.-е. на полночь. Далѣе онъ говоритъ: «Впередъ я проникъ до равнины Шандунъ, но не переходилъ черезъ Талуй, направо я достигъ Токубъ-Арзинъ, но къ тибетцамъ не заходилъ; назадъ я добрался до Желѣзныхъ воротъ, куда приходятъ жемчугъ и драгоцѣнности; налѣво я дошелъ до земли Яригъ-яргу. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ я владѣю. Въ любезныхъ лѣсныхъ горахъ нѣтъ никакихъ драгоцѣнностей; страна, гдѣ мы собрали народъ, есть любезныя лѣсныя горы. Послѣ того, какъ я утвердился въ этой странѣ, я вступилъ въ союзъ съ знаменитымъ

народомъ (китайцами)». Знаменитый народъ доставлялъ много золота, серебра, шелка и, отличаясь мягкимъ обращеніемъ, привлекалъ къ себѣ дальніе народы. Затѣмъ онъ переходитъ къ описыванію неурядицъ, которыя происходили у тюрокъ до него, причемъ много народа погибло, и продолжаетъ: «Но такъ какъ небо было къ намъ милостиво, и счастье и мой меньшой братъ были на моей сторонѣ, то я достигъ ханскаго достоинства. Будучи ханомъ, я ободрилъ бѣдствовавшій и несчастный народъ: бѣдныхъ сдѣлалъ богатыми, малый народъ—многочисленнымъ Вы, которые черезъ эти мои поступки усилились, князья и народъ, слушайте!... какъ вы погибали изъ-за своихъ ошибокъ, все это я здѣсь изобразилъ. Что слава моя основана не на богатствѣ, то я показалъ на этомъ вѣчномъ камнѣ». Послѣ того говоритъ, какъ онъ просилъ китайскаго императора прислать мастеровъ для устройства памятника, и какъ императоръ исполнилъ просьбу, а племянникъ Іоллигъ тегинъ сочинилъ надпись.

По угламъ находятся еще приписки, изъ которыхъ видно, что памятникъ поставленъ во время поминокъ, и что на сочиненіе надписи потребовалось 20 дней».

Вторая надпись на памятникѣ самого Могилянъ-хана теперь уже переведена, но мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ ея перевода. Содержаніе ее сходно съ содержаніемъ надписи на памятникѣ Кюльтегина. Вообще, судя по первымъ переводамъ, орхонскія надписи намъ даютъ драгоцѣнный матеріалъ для освѣщенія извѣстнаго періода исторіи тюрковъ.

Отмѣтимъ теперь тѣ результаты, которые получены, благодаря сдѣланному переводу. Значеніе рунообразныхъ надписей для тюркской филологіи—громадное: надписи представляютъ собою самый древній текстъ, безъ всякой примѣси текста изъ другихъ языковъ. Орхонскія надписи на 300 лѣтъ древнѣе книги Кудакту-билинъ, считавшейся до нихъ древнѣйшимъ письменнымъ памятникомъ тюрк-

скаго языка. Установлена непосредственная связь между енисейскими надписями и надписями на Орхонѣ. Содержаніе надписей представляетъ не одни пустые образцы тюркскаго краснорѣчія, а наполнено, хотя и краткими, но цѣнными историческими свѣдѣніями самихъ современниковъ эпохи. Когда всѣ эти надписи будутъ прочитаны, мы будемъ имѣть возможность провѣрить драгоцѣнныя свѣдѣнія о древнихъ народахъ въ Средн. Азіи, которыя намъ сохранили китайскіе источники. Изъ этихъ источниковъ мы узнали, что народъ ту-кюэ принадлежалъ къ тюркамъ; теперь-же изъ переведенной надписи видно, что этотъ народъ и самъ себя называлъ именемъ «тюркъ», слѣдовательно это названіе есть національное. Съ открытіемъ орхонскаго письма подтвердилось свидѣтельство китайскихъ лѣтописей, что «тюрки» имѣли свое письмо. Когда и какъ образовалось это письмо мы можемъ только догадываться, но что несомнѣнно въ немъ—это вліяніе Западн. Азіи: письмо читается справа налѣво и въ нѣкоторыхъ случаяхъ опускаются гласныя. Теперь вполнѣ опредѣленно устанавливаются собственныя имена народовъ, среди которыхъ встрѣчаются имена намъ уже знакомыя, какъ напримѣръ, харлуки, киргизы, тибетцы, тангуты, татары, токуз-осузы, уйгуры, карлуки; другія вносятся этими надписями въ европейскую литературу въ первый разъ, напр., кара-тэргесъ, батимы, гесгиль, тардушъ, чикъ, сугданъ и др. Географическія имена по большей части незнакомыя, изъ знакомыхъ именъ можно указать только на рѣки Толу и Иртышъ (Аертіш), на озеро Караколь и городъ Бешбалыкъ. Очень странно, что кромѣ названныхъ рѣкъ, не упоминаются другія ближайшія къ Кошо Цайдаму рѣки, напримѣръ: Орхонъ, Селенга, Тамиры и др. Страны свѣта тюрками понимались такъ: востокъ—какъ передняя сторона, западъ—какъ задняя, сѣверъ—какъ лѣвая, югъ—какъ правая. Иногда они и вполнѣ опредѣляли страны свѣта: «впереди, гдѣ солнце восходитъ; сзади, гдѣ солнце закатывается». Такое наименованіе расходится съ пониманіемъ монголовъ, у которыхъ считается впереди—югъ, сзади—сѣверъ. Въ надписяхъ встрѣчаются наимено-

ванія титуловъ—тегинъ, каганъ, торконъ и шад, названіе родственниковъ и т. п. Здѣсь-же мы находимъ указанія и на вѣрованія тюрковъ, которые признавали богомъ «землю и воду», т. е. окружающую ихъ природу. По представленіямъ тюрковъ той отдаленной эпохи, къ которой относятся орхонскіе памятники, ихъ богъ (тэнгри) находился вверху. На буддизмъ въ надписяхъ нѣтъ никакихъ указаній. Изъ переведенныхъ надписей видно, что у тюрковъ было и свое лѣтосчисленіе и, вообще, что этотъ народъ въ VIII в. находился на сравнительно высокой степени культурнаго развитія. Орхонскія письмена, наряду съ тѣми памятниками, которые найдены въ Монголіи, прольютъ свѣтъ на таинственную исторію Азіи, передвиженіе народовъ и т. п. Быть можетъ, изучая эти памятники, ученые натакнутся и на другіе, болѣе древніе памятники и письмена, принадлежащіе народамъ, которые жили раньше тюрковъ и быть можетъ имѣли свои собственныя письмена, которыя сгладились и вывѣтрились отъ времени.

Въ настоящее время, какъ мы слышали, академикъ В. В. Радловъ трудится надъ переводомъ минусинскихъ надписей и онѣ прочитываются легко, такъ надпись, снятая Д. А. Клеменцомъ, уже вполнѣ разобрана; она также написана на древне-тюркскомъ языкѣ безъ всякихъ примѣсей изъ постороннихъ нарѣчій. В. В. Радловъ готовитъ и въ непродолжительномъ будущемъ выпуститъ въ свѣтъ словарь къ первому выпуску «древне-тюркскихъ надписей» (Alttürkische Inschriften).

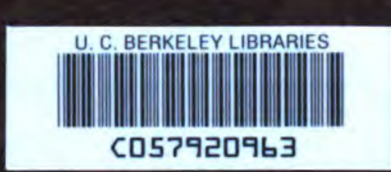
Открытіе Каракорума само по себѣ было важнымъ вкладомъ въ науку, а доставленныя оттуда надписи повлекли за собой другое не менѣе важное открытіе—это нахожденіе ключа къ тюркскому языку и открытіе азбуки рунообразной письменности. Измѣненія, поправки въ этой азбукѣ несомнѣнно будутъ; но главное сдѣлано, ключъ къ языку найденъ и теперь ни одна надпись не усколзаетъ

отъ любопытнаго взора ученыхъ. Разъясненіе этихъ надписей, ихъ переводъ есть одинъ изъ подвиговъ человѣческаго генія и прославитъ имена тѣхъ, кто работалъ на этомъ поприщѣ [1]).

И. И. Поповъ.

[1]) Матеріаломъ для даннаго очерка, кромѣ статей, помѣщенныхъ въ «Извѣст. Вост. Сиб. Отд.» и др. періодическихъ изданій, какъ напр., статьи Попова Н. И., Кастрова кн., Гейкеля, П--ва И. И. и др., послужили слѣдующія сочиненія: Радловъ В. В.– Атласъ орхонской экспедиціи. Ядринцевъ Н. М.—Предварительный отчетъ о его поѣздкѣ къ предполагаемымъ развалинамъ Каракорума. Онъ-же—Докладъ въ Импер. Русск. Геогр. Общ. въ Петербургѣ. Jnscription de l'Orkhon recueillies par l'expedition Finnoise 1890, et publiées par la Sociéte Finno-Ougrienne Helsingfors, 1882. Клеменцъ Д.—Древности минусинскаго музея. Déchiffrement des inscreptions de l'Orkhon et de l'jénissei. Notice préliminaire, par Wilh. Thomsen. Copengaque 1894. «Die alttürkischen suschrifren der Mongolii. 1. «Das Denkmal zu Ehren des Prinsen Kül Tegin. Von W. Radloff. St. Petersbourg 1894. Веселовскій Н. И.—Орхонскія открытія—Ж. М. Н. П. 1894. Марко Полло -Путешестіе. От Іоакинфъ—«Ист. народовъ, обитавшихъ въ Ср. Азіи въ древнія времена». Спб. 1851 и др.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C057920963

